

культуры подтверждает это. Когда же небесные и земные ряды, слившись, обернулись материальной, чувственной земностью, для бога в изучении природы и вовсе не остается места: естествознание утверждается окончательно, необратимо⁴⁰.

ТАК ЧТО ЖЕ? Алхимический рецепт средневековья — Большой рецепт алхимической средневековой культуры есть система символов, особая форма отношений между религиозной, теоретической, художественной специализациями средневекового мышления, пребывающими, однако, в синкретическом единстве. Выходит, что это мышление, эта культура символичны. Это общезвестно. Но это же мышление, эта же культура антисимволичны (точнее, висесимволичны).

Верно: реальный предмет, особенная вещь и в первую очередь индивидуальная личность и в самом деле указывают на некий иной, вне их лежащий, потусторонний символический смысл. *Планета на металл, металл на планету, дракон на вещество, вещество на дракона, львы и свинец*, его соединения друг на друга; *Вселенная на философское яйцо...* Иван кивает на Петра... Вместе с тем и *металл*, и соединения *свинца*, и *огонь* — треугольник вершиной вверх — есть нечто несимволическое, ни на что не указывающее, непосредственно являющееся, явленное, существующее — в вечном своем значении — только как данное индивидуальное, особенное — неповторимо сотворенное богом, но в силу этого само по себе божественное. Алхимическое *золото* — именно само по себе. Оно и есть сама истина. Беспорная, окончательная. *Град божий* неповторимой человеческой души. *Железо*, являющееся *золотом*, — всё целиком — при определенных рукотворно созданных условиях. Еще резче: скорее уж символ указывает на индивидуальное бытие как на свой подлинный смысл, нежели бытие вещи живет в символической буффонаде. *Солнце* — не символ *золота*, а сокровенный его смысл. Но и символ тоже. Самосозидание символических форм. Их саморазрушение.

Но что за страшный тип противоречий живет в этой страшной культуре? Каков механизм этой противоречивости, сопрягающей — но и отталкивающей — все оппозиции средневековой деятельности? Слово и дело, завет и позволение, умение и священная действительность, текст и ремесленное умение, интимная молитва и пеховая корпорация, символ вещи как ее обозначение и собственно вещь как вне символов данная, явленная; икона как свидетельство и икона как изображение... Начинается новый рассказ: противоречия средневекового мышления.

⁴⁰ Анализ судеб алхимического символизма открывает новые возможности в изучении генезиса новой науки, новоевропейского художественного сознания, мышления нового времени. Там, где символ станет лишь знаком предмета, появится подлинная предметность — путь к научной химии. Там, где символ воспарит над реальностью, — феерия, маскарад (XVI век: фантазматории Парацельса, Кардано, Тарталья, герметизм Бруно, позднее — XVIII век — видения Сведенборга). Путь к современному околонучному оккультизму. Но также и серьезное испытание: искушение художественных форм, эстетического чувства новой Европы. Там, где символ выступит как эвристическое средство, начнется самосознание науки (Френсис Бэкон). Но это лишь набросок, нуждающийся в разработке.